

Как я уже сказал, от Кейптауна до Йоханнесбурга четырнадцать часов езды, и каждый раз, когда Штейн садился за руль (что всегда заставляло меня чувствовать себя немного виноватым перед двигателем нашего грузовика) я тратил время на изучение карт, которые мы одолжили из туристического информационного центра, на который наткнулись.

В течение этих долгих душных часов в дороге (по крайней мере, Штейн постоянно жаловался, что он изнемогает от жары. Я же почти не чувствовал температуру) мое настроение становилось все хуже и хуже, когда я понял, насколько по-настоящему трахнут я из-за того, что производители MCU не знают их топографии.

Поскольку рядом с Йоханнесбургом нет такого понятия, как берег, я понятия не имел, где искать Голлума. Найти Улисса, просто ходя вокруг и разыскивая его, заняло бы целую вечность, и хотя у меня было некоторое время до появления Локи, я хотел вернуться в Америку задолго до этого.

Поэтому, в отчаянии избавившись от карты (она сгорела у меня в руках после того, как я понял, что она абсолютно бесполезна, чтобы помочь мне найти Кло, что бесконечно раздражало Штейна, поскольку он теперь понятия не имел, куда мы едем), я провел остаток поездки в Йоханнесбург (целых шесть часов либо смотрел в окно, либо пытался удержать старый грузовик после жестокого обращения, которому он подвергся под неопытным вождением Штейна), дуюсь на свою проблему, планируя и отвергая сотни идей о том, как заполнить этот блестящий Вибраниум.

Но неожиданно нас решили ограбить.

Или, по крайней мере, таково было намерение наших потенциальных грабителей. Мы были еще примерно в часе езды от Йоханнесбурга, когда из кустов по обе стороны дороги выскочили потрепанные машины. Они быстро ускорились: две ехали впереди нас, две по обе стороны от кабины и две позади.

Было много криков и размахивания оружием, и в то время как Штейн был явно в панике от жестоких требований остановить грузовик, я не мог не усмехнуться.

"Штейн. Оставайся здесь. Я разберусь."

Внимательно посмотрев на головорезов, размахивающих пистолетами и пулеметами, ученый просто отрывисто кивнул, прежде чем ударить по тормозам, заглушить двигатель и нырнуть под приборную панель.

Когда мы все останавливаемся в огромном облаке пыли, тощий парень выпрыгивает из машины с моей стороны кабины, размахивая автоматом и крича мне, чтобы я открыл дверь.

Я никак не реагирую, и вместо этого еще глубже опускаюсь на сиденье. Это явно приводит в бешенство угонщика, так как он подбегает к кабине, протягивая руку к ручке двери, готовый

ее разорвать-

БАМ!

- как раз в тот момент, когда я пинаю ее прямо с петель, посылая ее (а вместе с ней и потенциального грабителя) обратно в машину с такой силой, что она полностью сминается вокруг удара, убивая и бандита, и водителя, и, по крайней мере, выбивая пассажиров с другой стороны машины.

В наступившей тишине я выскакиваю из грузовика и несусь к двум машинам впереди нас со скоростью, которая пристыдила бы даже гепарда. Внутри меня начинает накапливаться жар, и хотя я не мог этого видеть, я просто знал, что мои глаза светятся, как врата в спальню Мефисто.

Через несколько секунд я добираюсь до машины справа и в великолепно исполняю спартанский удар ногой прямо по верхней части рамы, где сходятся передняя и задняя двери. Машина чуть не опрокидывается от силы моего удара, я хватаю ее и поднимаю прямо с земли.

К этому времени четверо бандитов в другой машине уже вышли, по двое с каждой стороны, но они еще не открыли огонь, это ошибка, за которую они расплачиваются своими жизнями. Я бросаю машину на двух парней с левой стороны другой машины с достаточной скоростью, чтобы она убила обоих.

Пока это происходит, я уже подбежал к оставшимся двум угонщикам, перепрыгнув через багажник их машины, чтобы ударить парня спереди размашистым ударом ноги, который врезается ему в грудь, в полете врезается в своего сообщника с такой силой, что оба выбывают из боя.

РАТТАТАТАТА!

А теперь и остальные подхватили, открывая огонь из своих пулеметов и пистолетов по мне, о грузовике они совершенно забыли в своей ярости и панике.

Я быстро ныряю за машину, прежде чем ухватиться за днище и с рывком опрокинуть ее на бок. Затем я беру ее за Аксели и, используя ее как таран, бросаюсь на парней со стороны Штейна.

Однако из-за большего расстояния между этой группой и той, от которой я только что избавился, и того, как тащить машину замедлило меня, мне не удастся поймать ни одного из парней (на этот раз троих), вместо этого я врезаюсь в их машину своим импровизированным щитом, сводя обе машины с оглушительным грохотом.

Однако им пришлось отскочить в сторону от моей атаки, и они были более дезориентированы, чем я, из-за их внезапного падения в пыль и взрыва, который только что раздался прямо у них

над ушами, так что инициатива все еще принадлежит мне.

Я поворачиваюсь к двум парням справа и, прежде чем они успевают направить на меня свои пистолеты, прыгаю к ним, хватая их головы руками, чтобы свести их вместе, как будто пытаюсь разбить пару яиц для омлета.

Хотя я предпочитаю омлеты с чуть меньшим количеством мозгов,.

Однако, когда я выпрямляюсь, позади меня раздается выстрел, и боль взрывается в нижней части спины.

Умом я понимал, что если не считать выстрела в голову (а может быть, и тогда) Мне нечего было бояться, так как я мог пережить выстрел. Тем не менее, знать, что ты будешь в порядке после того, как тебя застрелят, и на самом деле получить пулю, как я обнаружил, - это две совершенно разные вещи.

Я мог бы закричать, но если бы я закричал, то шум был бы заглушен еще шестью выстрелами, лающими по всему полю боя, каждый выстрел ударял меня в спину с такой силой, что казалось, будто меня снова бьет женщина-Берсеркер Экстремис.

Выстрелы бросают меня на землю, я приземляюсь на четвереньки в то, что осталось от голов бывших угонщиков, боль и жар вспыхивают по всей моей спине, даже когда кусочки серого вещества прилипают к моим брюкам и рубашке.

Но вместе с жаром приходит ярость.

Когда будущий покойник нерешительно приближается к моей сгорбленной фигуре, я внезапно кричу от ярости, температура внутри меня достигает новых высот, моя рубашка загорается огромным шаром пламени, обнажая мой ребристый позвоночник и поднятую грудную клетку.

Выпрямясь, чувствуя, как пули, застрявшие в моей спине, выталкиваются из их входных отверстий, а также медленно разжижаются, я поворачиваюсь к идиоту, который стрелял в меня, пламя танцует вокруг моего торса, воздух мерцает вокруг моего тела.

У парня есть достаточно времени, чтобы сглотнуть и поднять пистолет ко мне, прежде чем я внезапно оказываюсь прямо около него, моя раскаленная добела пылающая рука стреляет вперед, пальцы вытянуты, ударяют по его грудной клетке и выходят через его спину, хотя крови нет, так как массивная рана была немедленно прижжена.

Подняв труп, застрявший у меня на руке, я поворачиваюсь к двум оставшимся машинам в задней части грузовика (я видел, как сверкали дула их пушек, я слышал, как звенели выстрелы, я чувствовал, как их пули ударяли в мое охваченное пламенем тело. Мне просто было все равно), прежде чем потянуться назад, как питчер на бейсбольном матче. Затем я

бросаю парня, которого превратил в шашлык, в машину справа, посылая его прямо через переднее стекло в багажник.

Это, видимо, было слишком для парней в оставшейся машине, так как они прекратили стрелять, запрыгнули внутрь и рванули с места, даже не оглянувшись. Другим преступникам повезло меньше, так как я только что разбил их машину, поэтому они застряли со мной.

Отчаянными глазами они смотрят друг на друга, прежде чем возобновить стрельбу по моей пылающей фигуре, крича так громко, как только могли, чтобы скрыть свой собственный страх, все время медленно отступая, когда я приближаюсь, пытаюсь сохранить некоторую дистанцию между моими белыми пылающими кулаками и их уязвимыми телами.

Это было бесполезно.

Зверь внутри меня бушевал всюду, но я все еще был там, и я тонко напомнил ему, что у нас тоже есть выбор. И с этими словами я останавливаюсь, открываю рот и выдыхаю самое большое пламя, которое я когда-либо видел в любой из этих жизней (и я между двумя жизнями, которые у меня были, я видел Rammstein на концерте пять раз, так что это о чем-то говорит).

Вместе с моим массивным телом пришли и массивные легкие, и я продолжал метать пламя целых пять минут, достаточно долго, чтобы все крики затихли. Когда у меня кончилось дыхание (и враги, с которыми нужно было сражаться), внутренний зверь (который, к моему удивлению, у меня был, поскольку я списывал свои более агрессивные импульсы на мою собственную измененную личность, а не на внутреннее альтер-эго) утих, и я снова получил контроль над своим телом.

<http://tl.rulate.ru/book/49515/1238448>